

Юрий Елисеев

**Рождён
свободным
выбирать**

16+

Юрий Павлович Елисеев

Рождён свободным выбирать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51763878

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97056-4

Аннотация

Эта книга, написанная, как серия рассказов отражающих жизненный путь автора, в лёгкой юмористической манере знакомит читателя с увлекательной жизнью русских художников.

Содержание

Глава 1. «Большая рыба»	4
Глава 2. «Белый лист»	20
Глава 3. «Мои призраки»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий Елисеев

Рождён свободным выбирать

Глава 1. «Большая рыба»

В один из дней октября отец взял меня с собой на рыбалку.

Старый «Пазик», в котором мы добирались до места, натужно ревел, оставляя за собой облака пыли и смрад выхлопов. Я смотрел в запылённое окно ещё не совсем проснувшийся и, может поэтому, в предрассветной мути привиделась мне огромная, обросшая густой коричневой тиной рыба, точь-в-точь такая же, что снилась накануне ночью. Она была настолько реальна, что я невольно отпрянул от окна и вскрикнул...

Отец озадаченно посмотрел на меня, затем скорчил ободряющую гримасу. Это успокоило меня. Я откинулся на облезлую дерматиновую спинку кресла и предался своим фантазиям. Рыба занимала моё воображение, представлялась огромной тварью, частью своей похожей на кровожадную акулу из учебника по биологии, а другой на гигантского ка-

рася с выпученными, налитыми кровью глазами. Она была тяжела и была скользкая из-за слизи...

– Ты свой талисман взял? – вопрос отца вернул меня в облезлое кресло.

– Взял. – Я нащупал в кармане гребень, найденный в саду прошлой осенью. В нашем кавказском дворе можно было отыскать всё что угодно: часть старинной сабли, ржавый клинок, когда-то бывший кинжалом, древние пуговицы и русские монеты и многое другое. Отец тогда долго смотрел на бронзовый гребень с изображением бегущей собаки, перебирая в памяти все мало-мальски значимые находки когда-либо вытасченные из земли нашего города, но ничего похожего не вспомнил, поэтому сделал заключение, что вещь эта очень редкая, уникальная и быть ей моим талисманом. Справедливости ради, надо сказать, что сначала он забрал гребень для того чтобы показать его знающим людям – Длинному Ашоту, который каждую неделю ездил мимо нашего дома на телеге доверху гружённой старой рухлядью и пользовавшийся непререкаемым авторитетом в вопросах старины, а также греку Панайтиди, жившему на нашей улице и делавшему железные кровати с бронзовыми набалдашниками. Когда грек не проявил заинтересованности, а старьёвщик Ашот предложил за гребень смехотворную для делового человека цену, вещь вернулась ко мне. В дальнейшем она, насколько я помню, всегда находилась при мне и была утеряна через много лет. Моя находка, видимо, стала причиной дальней-

ших событий, которые начались следующей весной. Не слушая увещевания и мольбы матери, отец перекопал все грядки, заготовленные с осени под помидоры и зелень. Не обнаружив ничего стоящего, он не успокоился, и где-то, раздобыв рулон бумаги, карандаши, линейку, неделю что-то чертил с заговорщическим видом. Мать с тревогой наблюдала за ним какое-то время. Затем, видимо решив, что опасность миновала, засадила грядки заново, но ошиблась – в следующие два дня по огороду опять прошёл ураган. Мать поплакала над загубленной рассадой, проклиная тот день когда вышла замуж, но инстинкт подсказал ей сажать снова. Отец отступил, но пообещал вернуться к раскопкам осенью, когда соберут урожай. К тому времени он рассчитывал подговорить соседей к совместным поискам древнего городища, якобы расположенного на территории нескольких кварталов этой части города. Он даже успел заразить этой идеей несколько соседских семей, но к сожалению не учёл менталитета местного населения – дело в том, что всё происходило в бывшей казачьей станице, где люди, в основе своей, были неповоротливы в мыслях и жили скорее догмами чем эмоциями; поэтому когда его побили, то сделали это не из злобы, а потому что так было надо.

Это было частью жизни.

В девять месяцев, как утверждает моя мать, я начал бегать. Убегал далеко и вылавливали меня по разным дворам и садам. Часто, совершенно незнакомые люди, приводили ме-

ня с улиц, расположенных в соседних кварталах, и однажды я был доставлен из другого района. Мать, которая крутилась на двух работах, бессильно опускала руки – я был без надзора. Отец, полностью поглощенный очередным проектом, не обращал внимания на жалобы жены, на меня и на брата. Запершись в сарае, он создавал удивительные произведения искусства. Это были гипсовые раскрашенные петухи и кошки, которые должны были служить состоятельным людям в качестве копилки. Отец надеялся и сам стать в скором времени богатым и известным, а пока терпеливо закупал гипс и краску, выставляя на полку к старым петухам новых кошек. К двум годам я окреп настолько, что стал опасен для окружающих. Судя по тому что я вытворял, всё было именно так. Взять хотя бы случай с соседскими собаками. Я решил выпустить их на волю – пять собачек: три из них кавказские овчарки, две простые волкодавы, выскочили с радостным воем на улицу и до смерти перепугали комиссию районной управы, которая именно в этот день, впервые за двадцать лет, решила проверить наши дороги, вернее наличие асфальта на них, ещё вернее – его отсутствие. Комиссии повезло: обнюхав членов комиссии и повалив двух случайных тёток, собачки взялись за главное – всё что накопилось за время, проведённое на цепи, вся антипатия, собравшаяся словно желчь в собачьих печенках, вылилась сейчас на оппонентов долгих перебранок, невидимых за заборами и поэтому особенно желанных. Во мгновение ока всё превратилось в рычащий, виз-

жащий, истошно воющий клубок лохматых тел, крутящихся в пыли и кусках шерсти. Неизвестно чем бы это закончилось, не появись вовремя хозяева собак с вёдрами и цепями. Собак развели по домам, а меня к огромному «тутовнику», который рос посреди нашего двора, где я и был привязан к веревке, достаточно длинной для того чтобы несколько раз обойти вокруг дерева. Лето я проводил под шелковицей, а зиму, весну и осень меня закрывали дома. Иногда, что случалось крайне редко, меня опекала бабка Ульяна, мать отца. Она не любила меня, потому что не любила мою мать, и всех женщин «не их казацкой породы». Бабка Уля часами сидела на лавочке у двора, лузгала семечки, бессмысленно глядя перед собой в пространство улицы. Изредка она поднимала свой массивный зад и, ковыляя как утка, возвращалась во двор, проходила мимо меня, ступая по кровавым ягодам, которые усеивали землю под деревом, заходила на кухню, а потом далее, к отхожему месту, в глубине двора. Временами она отвязывала меня и я носился как молодой барашек по двору а потом пробирался в сад, где можно было затаиться под огромными помидорами, и наблюдать за передвижением шустрых муравьев. Сад был тенист и влажен. Абрикосовые деревья росли рядом с айвой и черешней, по над забором вился виноград, а в свободных от деревьев местах выстроились грядки со всевозможными овощами – все это, не считая простых яблонь и старой груши, составляло гордость крестьянской души моей матери и постоянно пестовалось.

Мне было три года, когда, однажды, играя под своим деревом, я услышал как вздрогнули от грохота тяжелые ворота, с лязгом отлетел засов и дверь отворилась с такой силой, что чуть не слетела с петель. В проеме стоял незнакомый мощный старик, с лицом почерневшим от въевшегося угля. В одной руке он держал огромный чемодан в другой чехол охотничьего ружья. Незнакомец, подойдя поближе, навис надо мной. Несколько мгновений он смотрел не мигая, затем, перешагнув через меня, прошёл в дом, где сначала произошла немая сцена, которая переросла в короткие реплики на тему «где ты был» и «как вы тут без меня». Затем бабка, с несвойственной ей прытью, метнулась на кухню; где сама собой загрохотала посуда, где воспылала керосинка, подогревая огромную кастрюлю борща. Я услышал как бабка Ульяна плачет, тихо, почти беззвучно... Это была моя первая встреча с дедом. Пройдя два концлагеря и ссылку, через восемнадцать лет он, наконец, вернулся с войны. Вернулся совершенно озлобленным и обиженным на весь белый свет. Обижаться было за что...

Еще до революции, молодым казаком, он был приписан к сотне своего тестя, отца моей бабки Ульяны, Филиппа Лукашина, где прослыл парнем замкнутым, но скорым на жесткий и решительный отпор. Так однажды в драке он избил троих обидчиков – в результате двоих пришлось отправить в лазарет. За проявленную жестокость дед был порот на собрании казаков, что впрочем ума ему не прибавило, но научи-

ло действовать более скрытно. В «гражданскую» ему хватило смекалки, после поражения в «стодневных боях», дезертировать из сотни тестя, остатки которой откатились сначала к Екатеринбург, а затем за Байкал и далее через Амур в Китай, где и сгинули без следа. Его и других таких же дезертиров, которые не последовали за сотней тестя, неожиданно простили и, после хорошей порки, оставили в живых. Дед, довольный, что всё так благополучно разрешилось занялся хозяйством и домашними заботами. Так он прожил до самой войны. Как я уже упоминал дед был нелюдим. Первые и единственные слова, сказанные им моему отцу по возвращении домой, были: «Что вытарацился. Али не признал?». Матушка моя, которая во всем старалась угодить свёкру, удостоивалась лишь междометий и неодобрительных взглядов. На фоне этой явной неприязни к моим родителям, Михаил, так звали моего деда, неожиданно благосклонно отнёсся ко мне. Говорил он со мной мало, но в его присутствии мне всегда было спокойно и уютно. Он везде таскал меня с собой: весной мы сажали новые проросшие чубуки винограда, летом вязали веники на продажу, осенью снаряжали патроны для предстоящей охоты. Пока у деда не было собаки, он брал меня на охоту и я приносил ему, найденных в траве, перепелов и уток а, потом, когда появилась Найда, мне доверили ягдташ, но иногда, по старой привычке, я рыскал наперегонки с гончей по высокой траве в поисках подранков... Осенью, в конце сентября, начинался сбор виногра-

да. Его в нашем дворе было всегда много. Дамские пальчики, розовый Тайфи, Изабелла... Последний сорт постепенно вытеснил остальные и весь шёл на изготовление вина. Дед предпочитал, как и все делать вино. Две с половиной тонны винограда были раздавлены в прессе, выброжены в больших ёмкостях, процежены, разлиты по бутылкам и спрятаны в подвале. Вино набирало вкус. Как оно набирало я узнал лет в тринадцать с подачи младшего брата Васи. Это он подобрал ключи к подвалу и периодически нырял туда с эмалированной кружкой и жаждой новых ощущений. Ему удавалось долгое время ходить по краю, и, словно невидимка оставаться незамеченным, пока дед заподозрив неладное, принял меры. Поймал он Васю просто и жестоко – поставил капкан. В то время ещё не слышали о правах человека, тем более ребёнка – поэтому вся история кончилась парой подзатыльников и длинной проповедью о вреде алкоголизма. К слову сказать в дальнейшем она ему не помогла.

Под конец жизни дед всё больше уходил в себя. Природная нелюдимость и неприятие современной действительности выливались в бессильную злобу. Часто я наблюдал за ним, бродящим по двору с пустыми глазами и бормочущим как заклинания длинные пассажи из ненормативной лексики. Материться он умел вдохновенно. Многоэтажные замысловатые построения, начинающиеся стандартным посылом, переходили либо в «двенадцать апостолов», либо в «богодущумать» – это если имели место религиозные ноты... Но

могли быть перечислены все родственники до десятого колена, а так-же и их многочисленные отпрыски. И все это ходячая «сомнамбула» сообщала бесцветным, лишенным всякой окраски голосом...

Автобус сильно тряхнуло, я приоткрыл глаза. Уже почти рассвело, но очертания окружающего ландшафта были унылы и размыты. Я поглядел вокруг: отец смотрел в окно, а шофёр Егор, вытянув шею, сидел за баранкой и вглядывался в набегавшую дорогу.

Я плотнее закутался в отцовскую плащ-палатку и снова задремал...

Мне исполнилось шесть лет, когда мать, наконец, уговорила отца строить свой дом. Для этого ещё с весны были завезены глина и солома. В наших краях дома строились из «самана». В прямоугольные деревянные формы набивалась, смешанная с соломой и конским навозом, глина. Получались блоки, похожие на большие кирпичи. Затем эти глиняные кирпичи высушивались и из них строили стены жилища, прохладные летом и тёплые зимой. В назначенный день ближайшие соседи, забыв обиды и разногласия, пришли в наш двор помогать строить дом. Работа строителей закипела. Все они большие специалисты и доки, спорили: сколько нужно лить воды, сколько класть конского дерьма, которого Длинный Ашот привёз целую телегу, и сколько и какую солому надо использовать, чтобы саманы получались особо прочными. Отец, с важным и заговорщическим видом, ходил от со-

седа к соседу и намекал на то, что дом он скопировал с древних римских источников времён республики и в доказательство совал собеседнику клочок бумаги, измаранный какими-то знаками, похожими, скорее на каракули младенца, чем на благородные линии римского здания. Он говорил: « Это атриум» и тыкал пальцем в бумагу, туда, где по его мнению было обозначено место внутреннего дворика. То, что получилось через несколько недель, было скопированно с подавляющего большинства домов в нашем квартале и лишь черепица, такая же что и впервые созданная и обожженная две тысячи лет назад, указывала на то, что чертеж отца когда-то был близок к римскому оригиналу. Отец на этом успокоился, но про себя решил, что больше не будет таким доверчивым и открытым к непросвещённым. В те времена всеобщего народного благополучия, когда до блистающего коммунистического будущего оставалось каких-то двадцать лет, каждый выживал как мог. Стихийно, как эпидемия, то тут, то там, возникали и развивались народные промыслы. Граждане, вдруг, откуда-то узнавали об исключительной пользе кроличьего мяса, о стоимости шкурок горностая, песца и куницы. Стоило появиться в городе первой клетке с диковинным зверьком, как минифермы начали возникать почти в каждом дворе. После недолгих раздумий, отец решил разводить нутрий. «Это золотое дно.» – сказал он матери и добавил заговорщически: – «А мясо будем есть ночью».

К моему удивлению, эти крысы, которые при первом зна-

комстве вызывали чувство отвращения и страха, в дальнейшем оказались существами милыми и чистоплотными, так как имели привычку мыться, расчёсывая передними лапками мех и подшерсток, отчего мокрая шерсть переливалась на солнце фантастическими всполохами. Они мыли свою еду, сидя на краю бассейна, ловко и быстро орудуя лапками, словно прачки. Ветки акации, битые арбузы, привезённые с базара, очистки овощей с кухни – всё тщательно перемывалось и съедалось в больших количествах, поэтому росли и плодились эти нутрии поразительно быстро. К зиме большую часть животных пришлось забить, так как прокормить всех было нереально. Отец сдал шкурки в приёмный пункт и на вырученные деньги купил пару голубей, которых докучливый сосед давно впаривал ему под видом египетских почтовых, и у которых, по его утверждению, венчик на голове указывал на прямое родство с фараонскими ритуальными горлицами, используемых в качестве вестниц. Решающим аргументом соседа, убедившим отца, было утверждение, что за хорошего почтовика в древности отдавали чистокровного скакуна, а на востоке – верблюда. Отец посчитал сделку удивительно выгодной, и, включив калькулятор в своей голове, понял какие фантастические прибыли ожидают его в дальнейшем. Зря матушка полдня, пока отец мастерил что-то похожее на скворечник больших размеров, увещевала его вернуть птиц и на эти деньги купить шифер для сарая, крыша которого давно требовала ремонта, но увидев лихорадоч-

но блестящие глаза, вынуждена была ретироваться. В конце концов она смирилась и даже варила кашу, когда у голубей появились птенцы. Птенцы росли и развивались и со временем начал вырисовываться тайный замысел, зародившийся в отцовской голове. Каждый вечер, придя с работы, он выпускал голубей из вольера и они кружили над нашим двором до темноты. Блестящие жилеты, надетые на них, переливались в лучах заходящего солнца, создавали игру солнечных зайчиков. Время от времени отец издавал условный свист и голуби начинали снижаться, двигаясь по спирали; затем, повиснув над самым двором, они некоторое время кувыркались в воздухе, и по второму свисту, взмывали вверх под самые облака. Скоро возле нашего двора начали собираться толпы зевак. Задрав головы, они следили за полётом птиц, оживлённо комментировали передвижения и кульбиты, восхищённо и завороженно наблюдая за блеском птичьих жилетов. Отец, переодевшись в полосатые брюки и жилетку, выходил на улицу к собравшимся и демонстрировал чудеса дрессировки. Его хвалили, жали руку, хлопали по плечу – он даже стал известен в городе. Но он не разбогател. Билеты, нарисованные им на клочках бумаги, никто не брал; более того на него смотрели не понимая, что он хочет, а некоторые даже враждебно. Отца тогда осенило – пора товарно-денежных отношений ещё не пришла. Он сразу как-то поник, осунулся и взгляд его потух. Мать как могла успокаивала его – «Отдай их в цирк. Может тебе заплатят». Так она говорила

каждый день в течении недели, слово в слово, пока отец не согласился:— «Ты права». Он погрузил голубей в переноску и отправился в центральный парк, где обычно останавливался передвижной «Шапито». «Пусть будет так», – сказал отец и перешагнул порог цирка. На манеже стояли двое и говорили о Матильде, причём один, наружности горского еврея, успокаивал другого больше похожего на поляка. Отец некоторое время слушал о чём шла речь, пока не понял, что говорили о цирковой козе и о трагедии, которую пережил Тадеуш, хозяин и дрессировщик Матильды. Три дня назад случилось ему быть в станице Гребенской, где было договорено обженить Матильду и местного козла. После случки, автобус, на котором они возвращались в город, заглох на мосту через Терек и Тадеуш, чтобы размяться, вылез с Матильдой на свежий воздух, и привязал козу к деревянным перилам. Пока шофёр возился с мотором, вполголоса бурча толи проклятья, толи заговоры на приворот искры и правильную работу карбюратора, Тадеуш, прищурившись, лениво наблюдал за пустынным мостом, как, вдруг, почувствовал еле ощутимый удар в основании моста. Движимый каким-то неясным предчувствием, он потянулся к Матильде, но то что увидел, заставило его в ужасе отскочить назад – прямо перед ним из воды вылезла огромная, обросшая ракушками и тиной, пасть рыбы. Чудовище сломало деревянную перегородку, схватило блеющую Матильду за задние ноги и, в следующее мгновение, рывком стащило её в воду. Вот так Тадеуш лишил-

ся своей любимицы. Он выслушал отца и сначала знать ничего не хотел ни о каких сделках, но увидев, что вытворяют голуби под куполом цирка, согласился. Покупка голубей произошла здесь же в присутствии Арона, горского еврея и по совместительству иллюзиониста-фокусника. Домой отец вернулся погруженный в состояние благодной, возбужденной эйфории. Он отдал матери деньги и молча растворился в закоулках Калиновской станицы.

Мать, возбужденность его, объяснила для себя просто: выздоровел – это раз, от голубей избавился – два, и деньги принёс – это три. Поэтому её не насторожил тот факт, что отец сблизился с местными заядлыми рыбаками. Он быстро узнал премудрости ловли на «закидушки», комбайны и перемёты. В начале августа отец выковал три больших крючка, затем где-то раздобыл тонкий длинный трос, и оттуда же принёс небольшую лебёдку, которую, после продолжительных манипуляций, приладил к металлической треноге. Все это навело меня на мысль об акулах, но я отогнал её, так как этих тварей в наших краях не водилось. Каждые выходные, собрав свои снасти, отец отправлялся на промысел. Он ездил один и на расспросы о том, где был, отвечал неохотно и односложно. Ему явно не везло – то что он привозил не хватало даже кошке. Невезение продолжалось весь август, потом сентябрь. Видя его мрачное настроение, я попытался выяснить причину, но он только отмахнулся от меня. Однако я был настойчив и, после продолжительных расспросов, он,

наконец, случился. Так я узнал про случай с Тадеушем и огромном чудовище, жившем вблизи Гребенского моста. Вот так, однажды, он взял меня с собой. Рано, ещё в предрассветных сумерках, мы с отцом, взяв всё необходимое, выехали из города и направились в сторону Терека.

Старый «Пазик», в котором мы добирались до места, натужно ревел, оставляя за собой облака пыли и смрад выхлопов. На повороте к солончакам машину сильно потрянуло. Я оглянулся на сидящего сзади отца и спросил:

– Ты и вправду поймаешь её?

Отец загадочно улыбнулся и кивнул.

– А когда?

– Когда повезёт.

– А когда же тебе, наконец, повезёт?

Моя улыбка и мой вопрос видимо не понравились отцу. Лицо его стало замкнутым и почти злым. Он видимо хотел обругать меня, но осекся.

– Не мне так тебе – буркнул он и отвернулся к окну. Отец о чём-то думал: видимо вопросы, заданные мной, терзали его задолго до того, как они были заданы. Они не имели ответа... Постепенно взгляд его оттаял и в нём зажегся всё тот же знакомый огонёк неисправимого романтика и неудачника, что был почти всегда. Мы молчали и ехали, всё дальше и дальше. К неизвестности, к рыбе, притаившейся в тёмной воде, и в конце-концов, к окончанию всей этой истории, которая никого не устроила и не утешила, но, как оказалось,

примирила с действительностью и объединила нас, как отца и сына.

С той острой пронзительной истории безысходности и мечты, прошли, и пробежали годы; изменился мир и мы, живущие в нём, но взгляд отца преследует меня до сих пор. Он не даёт мне успокоиться, и, как лакмус, определяет для меня всё то, что я хотел бы и чего не хотел бы делать.

Глава 2. «Белый лист»

Вагон качнулся, задрожал и в окне поплыл вокзал, оставляя в прошлом мое детство, благословенный город, в котором прошли лучшие годы, первую несчастную любовь, футбол с друзьями и многие другие мелочи, без которых не случилась бы эта моя история. В свои пятнадцать я ещё не уезжал так надолго и далеко, может быть поэтому комок в горле не давал возможности крикнуть слова прощания и предательские слезы слепили меня. Я отвернулся от окна, чтобы спрятать свою слабость. Моя матушка, утвердившаяся в решимости сделать из меня скульптора, везла сына в художественное училище города Пензы. Там она видела моё будущее. Обыкновенная селянка с тремя классами, она была на редкость упёртой, оптимистической и романтической особой, которую не испортила тяжелая, беспросветная жизнь. Она, единственная в семье, во что-то верила и поэтому пошла против мужа, который хотел сделать из меня работягу. Даже не знаю, как сложилась бы моя жизнь, пойди всё по сценарию отца. Скорее всего я бы даже не догадывался, что мне, пожалуй, следовало бы застрелиться, хотя, впрочем, неизвестно, что лучше было бы в той жизни.

Но в этой жизни я успешно сдал экзамены и был зачислен на скульптурное отделение училища имени Савицкого.

Мои первые университеты начались в мордовской деревне Крастово, куда нас, первокурсников, загнали на «картошку». Нам выдали телогрейки, резиновые сапоги и определили на постой к местным жителям. Меня и ещё троих ребят поселили к древней бабке, обитавшей на самом краю деревни, которая очень обрадовалась нам и, поскольку было видно, что с людьми она давно не общалась, всячески старалась нам угодить. Первым делом она истопила баньку по-чёрному. Могу сказать, что уже больше никогда в своей жизни, я не испытывал ничего подобного и как следствие пережитого, та адская смесь жара, дыма и копоти, с тех пор преследует меня всю жизнь. Пока мы парились, а потом, долго отмывались, старуха нажарила нам огромную сковороду грибов с картошкой. Нашёлся у ней и самогон. Я малость угорел и поэтому выпил подсунутый кем-то из старших стакан как воду и вскоре окосел. Самогон я пил первый раз в своей жизни, и судя по разочарованию, сквозившему в пытливых глазах моих однокурсников, не оправдал ожидаемой реакции на этот напиток. Доев свой ужин я пошёл спать...

На вторую неделю нашего пребывания в деревне я попал в ситуацию, о которой и сейчас вспоминаю со смехом, хотя тогда мне было не до этого. В ту субботу я зашёл за нашими девчатами, чтобы сопроводить их в клуб на танцы. Мне было приятно, что они общались запросто со мной, хотя были старше и могли вить верёвки из любого парня и, почему-то, взбрело им в голову переодеть меня в женское пла-

ть. Мордашкой я действительно походил на девицу, и, хоть авантюра эта мне совсем не нравилась, я дал себя облачить в платье и лифчик, а в лифчик засунуть два носка, набитых ватой... Потом меня накрасили как девицу легкого поведения и такой же доступности, что в годы, морального кодекса строителя коммунизма, было верхом смелости. Мои создатели, отступив назад, с сомнением разглядывали своё творение, но я, увидев себя в обшарпанном зеркале, неожиданно, был удовлетворён увиденным. В моей походке появилась какая-то лёгкость и уверенность опытной женщины. Всю дорогу до клуба девки покатывались от смеха. Мне было весело тоже, но игривое настроение улетучилось, когда ко мне подошёл здоровый, как бычок трёхлеток, парень с руками привычными крутить шкив у трактора, и не успел я опомниться, как подружки мои куда-то исчезли, а я остался наедине с местным Дон Жуаном. «Ладно один раз не Гондурас» – подумал я и пошёл танцевать. Я надеялся что ловелас отстанет... Но он был активен и настойчив. «Да ладно, потанцуем и он меня отпустит» – говорил я себе, когда он прижимался слишком сильно. Периодически я слышал над собой его тяжёлое дыхание и где-то сбоку взрывы хохота. Танцуя под мелодию ускоренного танго, мне приходилось прикладывать все свои силы, чтобы не быть расплюснутым в мёртвой хватке комбайнёра. Когда танец, к моему облегчению закончился, я метнулся к своим, стараясь в низком полёте, исчезнуть из зоны видимости его радара. Похоже мне

это удалось, потому что, до конца мероприятия, я его не видел. Постепенно тревога и дискомфорт покинули меня и через час я уже забыл своего ухажера, а через полтора всё закончилось – музыка стихла и народ стал расходиться по домам. Мы выходили из клуба в прекрасном настроении, как вдруг передо мной опять возник комбайнёр. Он загородил дорогу, как шлагбаум и, оттеснив меня к плетню, туда, где было потемнее, начал прижиматься ко мне и бормотать что-то похожее на комплименты. Я отчаянно, сдавленно пискнул, затравленным зверьком, и на его вопрос, похожий скорее на приказ – «пойдём погуляем?», что-то промычал, держа головой и ища глазами своих подружек, надеясь на поддержку. Мой внутренний голос вещал мне о всевозможных неприятностях и убеждал тут же открыться ему и свести всё к шутке, а инстинкт самосохранения подсказывал, обратное, и глядя на кулаки ухажера, я подозревал, что он прав. Взяв себя в руки, голосом кастрата, я сообщил соискателю моего расположения, о том, что мне надо срочно домой и, что я не буду возражать против того, чтобы он, если его не затруднит, проводил меня. Просьба, облеченная в такую изысканную форму, произвела эффект пачки димедрола – прямо на глазах механизатор как-то обмяк и успокоился, фаза крайнего возбуждения уступила место рассудительности; черты лица его удивительным образом разгладились, выражение дикости исчезло уступив место спокойной благодати и мы направились по единственной дороге, ведущей в сто-

рону дома, где мы квартировали. Пройдя около трети пути и, с облегчением услышав доносившиеся сзади сдавленные смешки и тихие голоса моих подружек, я приободрился и, пока слушал бормотание моего ухажера о тракторах и посевах, думал о том, как бы побыстрее и вернее отделаться от него и забыть обо всём, как о страшном сне. Но на фоне этих оптимистических мыслей, почему-то на ум приходили нелепые картинки о том, как тракторист пытается залезть мне под платье... Я даже зажмурился от нелепости и ужаса, захвативших меня, когда я представил это. Когда мы подошли к цели, я чуть было не проскочил нужный мне дом и, остановившись у калитки, объявил о том, что пришёл, вернее пришла, и спасибо ему большое... Видимо сказанное было не так понято, или обличено в форму безапелляционного отказа – механизатор опять преобразился, в нём проснулся предок-питекантроп, он схватил меня за руку и чуть не оторвав её, потянул меня дальше к околице, где, я подозреваю, могло случиться непоправимое. Я со всей своей силой свободной рукой ухватился за калитку и мы с минуту стояли молча, сопели, мечтая каждый о своём. Неизвестно чем бы эта борьба характеров закончилась, если бы не подоспели мои ангелы – спасители, которые вчетвером, поняв, что пора вмешаться, выцарапали меня из похотливых лап деревенского ловеласа. Всё закончилось боле–менее мирно, но в дальнейшем парень при встрече подозрительно поглядывал на меня и терся возле дома – видимо искал свою зазнобу, де-

вушку похожую на меня. В конце-концов ему сказали, чтобы он не мозолил глаза и, объяснили, что девушка, которую он ищет, заболев, уехала в город. Он заметно опечалился этой новостью и, не в силах побороть нахлынувшие чувства и успокоить растревоженное сердце, через три дня, безуспешных поисков, бедняга запил. Так в неполные шестнадцать лет я разбил первое сердце...

После месяца грязи и дождей, замызганный, обросший, с, обветрившимся лицом и потрескавшимися руками, я вернулся в город и приступил к занятиям. Мне не было шестнадцати, в нашей группе все звали меня «Сынок», правда, спрашивали, как со взрослого, поэтому поначалу мне приходилось тяжелее остальных. Штудия по четыре часа в день укрепляла мой рисунок, я понимал, что это тот стержень, на котором держится всё академическое образование, которое, в свою очередь, является основой любого серьёзного художника. В душе я понимал это, но тяготел к декоративизму и, в частности, болел грузинской скульптурой, яркими представителями которой были Мераб Бердзенишвили, Элгуджа Амашукели... Меня волновали вечные темы с вечными персонажами, а с меня, как и с других служителей искусства того времени, требовали советский реализм, который на многие годы похоронил мои официальные устремления в искусстве. В училище а, потом, в институте нас ругали за формализм, и требовали понятных народу тем и изображений, а мы как могли сопротивлялись этому. На третий год обучения

почти вся группа ударилась в маньеризм. Посыл дала тихая, неопределённых лет, удмуртка Фаина, похожая на подружку лесного трюля. Никто не знал о ней ничего, кроме того, что работала она уборщицей, тут же, в училище и приходила на уроки скульптуры в своём рабочем халатике. Изъяснялась она всё больше жестами и, возможно, не знала русского языка. Я её немножко побаивался, потому что в ней чувствовалась скрытая угроза и неуёмная энергия, она была талантлива, но склонна к экстравагантным эффектам. Мы лепили с натуры торс натурщика и Фая начала выкладывать поверхность торса фактурой в виде червячков. Это было красиво, как объёмный ковёр и я, поддавшись искушению, тоже выложил свою скульптуру пупырышками. Когда, после долгого отсутствия, в класс вернулся педагог, его ждало двенадцать вариантов разочарований. Наши поиски и потуги на оригинальность обычно заканчивались плачевно, не обладая мастерством, мы пытались заменить этот навык формотворчеством, от которого по прошествии времени, те, кто был способен учиться, избавлялись и стыдливо убирали свои работы подальше от глаз. Так от рисунка к рисунку, от скульптуры к скульптуре происходила шлифовка мастерства. Училище славилось качеством выпускников, которые составляли едва ли не половину абитуриентов, ежегодно сдававших экзамены в высшие художественные вузы Москвы и Ленинграда. Главными условиями влияющими на мастерство выпускников были школа, постоянная студия и работа с натурой.

Среди натурщиков, которых судьба забросила на это поприще, не было заурядных личностей – все они были штучными и могли, в той или иной степени, быть клиентами психиатрической больницы. Одни тихие, обычно позирующие для портрета, могли часами рассказывать о луне, причём об обратной её стороне; другие, brutальные ребята, походили на спортсменов общества «Динамо», но их выдавал нездоровый блеск в глазах. Что поделать – осознание своей неповторимости иногда забирает разум...

Прохор всегда ходил босиком, в трусах и пальто на голое тело и неважно – лето было или зима. Этакий прообраз бомжа с красным, как после парилки телом и опухшим от пьянства лицом – он, пожалуй, был самым нормальным из цеха натурщиков и изъяснялся, на удивление, высоким стилем опустившегося интеллигента. Мы любили поговорить с ним во время урока, где он обычно представал нам в образе сатира и после глотка своего пойла, заметно оживившись, сыпал философскими терминами и крамольными цитатами из древних мужей. Его терпели в училище и в городе, тем более, что сто первого километра в Пензе не было, а на Колыму он ещё не наговорил. В те времена расцвета и торжества социализма к сумасшедшим, дуракам и пьяницам отношение было как к неизбежному бытовому злу – и надо бы бороться, но как бороться со всей страной? Всё же Прохор не уберётся от своего языка. Было это седьмого ноября, когда колонна нашего училища проходила по улице Урицкого мимо

дома, где проживал наш опустившийся философ. Тот вышел на крыльцо совершенно пьяный, в кепке, с красным бантом и пальто на голое красное тело. Нещадно картавя и коверкая слова, он кричал в толпу призывы о том, что землю надо отдать крестьянам, фабрики рабочим, а кисти и краски – художникам. Он бесновался до тех пор, пока откуда не возьмись, появились люди в сером, которые скрутили и быстро затолкали самозванца в подъехавший воронок. Через неделю Прохор появился в училище тихий, совершенно трезвый и просветлённый...

В начале семидесятых в училище бесплатно обучались представители всех народностей союза. В нашей группе учились: корейанка, этнический немец из Казахстана, удмуртка, эрзя – мордовский парень, сибирячка, кавказец – все с разных регионов страны. Были западники, из Риги. Они считали себя элитой, может потому, что учились у известного театрального художника, а может просто считали себя Европой. Одевались они лучше нас, наверно и питались сытнее... Во всяком случае мне приходилось туго – на лучшее, что я мог рассчитывать был абонемент в кафе «Парус» за тридцать семь копеек. Когда не было и этого – был хлеб и горчица на столах. Никогда не забуду солёные грузди хозяина квартиры, где я снимал угол вместе с парнишкой из Сердобска. Грузди были в бочке, в сарае, куда мы лазили для того, что бы пополнить наш скудный рацион. Они прекрасно сочетались с чёрным хлебом. Когда я вспоминаю о тех временах, мои

мысли невольно и приводят меня к еде: и самая яркая из них – о солёный груздях хозяина квартиры. Мои товарищи, те, с которыми я дружу до сих пор, жили по соседству со мной и у них всегда хватало средств на плавленый сырок «Дружба» и портвейн «Кавказ», который так хорошо пился под Володю Высоцкого и «мои» грузди... Один из них теперь пьёт виски, другой тяготеет к водочке, но оба они променяли бы все свои награды и звания на глоток дешёвого портвейна и кусочек той жизни, где осталась их молодость и ощущения здорового тела.

К концу третьего курса я научился курить, и это был, пожалуй, самый ненужный навык, приобретённый мною в жизни, но осознание, того, что сигарета в руке должна была придавать весомости моей внешности, примиряла меня с этой вредной привычкой. Я повзрослел и окреп, из худощавого подростка я превратился в симпатичного юношу, к которому уже присматривались некоторые особы противоположного пола – так присматривают себе платье на вырост, представляя себе, как я буду выглядеть на них лет этак через пяток. Мне льстило такое внимание, но я не знал как этим пользоваться, в результате набил себе много любовных шишек. В конце – концов, я научился находить утешение в искусстве и, хотя зов плоти был очень сильным, мне удавалось обуздать его изнуряющими бдениями с натурщицами, в коих учился видеть не только объект вожделения, но и образец природы для воплощения в рисунке и глине. Думая, что обуздал

плоть, я ждал просветления, как ждёт его буддийский монах, пройдя путём Самадхи. Мне казалось, что цепь перерождений вознесёт меня на сияющую вершину совершенства и познания, я был готов к испытаниям и самопожертвованию, но не учёл, одного обстоятельства, которое чуть не закрыло мне путь к вершине. Дело в том, что, пока я бредил идеями буддизма, одна из натурщиц, явно не разделявшая моих воззрений, положила свой похотливый глаз на меня, и, однажды, сам того не ожидая, я чуть было не оказался в её постели. Спасла меня сущая безделица – я испугался её нижнего белья и бежал из рассадника похоти, стремясь забыть происшедшее, как кошмарный сон. Я думал, что такое больше никогда не повторится, но ошибся, она открыла на меня охоту и вскоре по училищу поползли слухи. Как тараканы, они разбежались по коридорам и аудиториям и только ленивый не комментировал моё, якобы, падение.

В конце-концов резолюцию наложило комсомольское собрание, случившееся негласно, в усеченном составе, где мне поставили на вид мою, недоказанную связь с натурщицей и потребовали прекратить безобразие. Мне не удалось опровергнуть общественное мнение, не удалось, сколько ни старался, доказать обратное. Но с тех пор отношение ко мне радикально изменилось, меня перестали называть «сынком», наши девки, которые раньше запросто садились ко мне на колени, теперь держали дистанцию, а те, которые раньше были недостижимые, наоборот, приблизились и начали говорить

со мной на равных, и я понял – хочешь поменять ситуацию, закатай скандал. В те годы скандалов не было. Жили мы в спокойной стране, где ничего не происходило, кроме регулярных съездов партии...

Когда пришло время, вся наша группа взялась за выполнение дипломных работ. Я, как и следовало ожидать, взял грузинскую тему, так как находился под очарованием грузинской культуры. Мой чистый лист высококачественной бумаги ждал достойной темы. С большим энтузиазмом я взялся за работу, но уже через короткое время, понял всю тщетность моих усилий. Работа над дипломом не шла. Всё что делалось становилось похожим на произведения моих кумиров и я, с ужасом понимал, что находясь под влиянием их творчества, мне не удастся создать что-нибудь своё. Это в конце-концов dokonало меня. Я перестал приходить в мастерскую и бродил по городу с потерянным видом. Мне говорили: «Сделай хоть что-нибудь», но я понимал – пока не пойму какую тему выбрать и, не найду ключ, в котором будет выстраиваться моя композиция, мне нет смысла что-нибудь начинать. Оставалось чуть больше недели до защиты диплома и понимая, что, до окончательного провала, остаётся совсем немного времени, я решил на подлог – изобретение, которое пришло мне на ум в минуту отчаяния. Рецепт был прост – для создания произведения с определённым стилем и тематикой следовало взять от каждого искомого маэстро приёмы его лепки, перемешать не взбалтывая, затем варить в своей голове до го-

товности, сдабривая приправами своих пластических находок и знаний анатомии, потом, не расплескав полученного образа, перенести его в глину и уже после этого, выдав всё это за плод своего вдохновения, почтить на лаврах... Через неделю моя метода выдала дипломную работу под названием: «Золотая свадьба», на которой были изображены грузинская чета преклонных лет. Грузин с лицом Важи Пшавела и грузинка похожая на Софико были благосклонно приняты комиссией и аттестованы с оценкой отлично. Смешанные приёмы Эгуджи и Мераба, талантливо проработанные моей рукой, не бросались в глаза, и в дальнейшем я, окрылённый неожиданным успехом, подумал развить в себе это умение и намеревался, замахнуться и перемешать Бурделя и Манцу...

Так, на первый взгляд, с неоднозначного успеха начался мой путь, началась моя увлекательная, полная хитросплетений и открытий карьера художника.

На этом пути меня ждали... и я пошёл.

Глава 3. «Мои призраки»

Если бы вы хотели начать свою жизнь в благоприятном для этого занятии месте и стать настоящим мужчиной с повадками, понтами и походкой мачо, которая всегда бы угадывалась в любом городе советского союза, вам надо было родиться в Грозном, в городе наводнённом красивейшими девушками-горянками и brutальными мужчинами. Чтобы проверить это, вам надо было выйти, в конце семидесятых годов, вечером на «бродвей» и, пройдя по этой улице с громким названием проспект Революции, убедиться в правдивости моих слов, ведь сюда дефилировать по аллее проспекта приходило всё активное женское население. Сюда стекалась молодежь, «выходила в свет» творческая интеллигенция и, куда ж без них, являли свои награды заслуженные пенсионеры республики. Молодежь стояла кучками, старики сидели, интеллигенция, прогуливаясь, делилась впечатлениями. Здесь было шумно и местами очень весело. Над веселившимися висел дымный «духман», запах которого было трудно с чем-то спутать, на лавочках велись неторопливые беседы о том, что раньше, все-таки, жилось лучше, чем сейчас. Девушки ходили обычно парами, держась за руки и молодёжь противоположного пола, плотоядно поглядывая им вслед, отпускала скабрёзные шуточки. Дальше этого не шло.

Попытки познакомиться, считались за проявление слабости, поэтому если знакомство всё же случалось, то его стыдливо, как и все последующие встречи, скрывали. В те времена всеобщего ханжества среднестатистический кавказский юноша был целомудрен, сексуально безграмотен и, что, как устроено, узнавал только после свадьбы. Кавказцы, особенно чеченцы, со своими особенными понтами, наивно считали себя людьми особенными и говорили так: – если ингуш режет барана – это братоубийство, если чеченец режет осетина – это резьба по дереву. Но в те годы всё было беззлобно и спокойно и никто никого не резал. В городе середины семидесятых, ничего не изменилось с тех пор, как я ушёл в армию – всё также в школьном дворе играли в футбол мои вчерашние одноклассники, и всё также в своей коляске сидел безногий сосед дядя Митя, каждый день выезжавший на улицу на свой постоянный пост у ворот и знавший кто, куда и во сколько прошёл. Прогулявшись по городу, я навестил друзей и знакомых. В гимнастическом зале «Динамо», куда я заглянул в первую очередь, оттачивала своё мастерство, под неусыпным надзором тренера Кима Вассермана, половина мужской сборной страны и мой друг Володя Марченко. Несмотря на предательство тренера Ростороцкого, который вместе с Турищевой перебрался в Ростов-на-дону, поменяв «Динамо» на армейский клуб, в Грозном всё ещё была сильная школа гимнастики. Ребята, которые творили чудеса на турнике и брусьях, составляли костяк сборной и заслуженно были об-

ласканы местной властью, которая после бегства примадонны гимнастики, всецело переключилось на мужчин. Они терпели внимание администрации и явно сучали по осязательной встряске, поэтому встретили меня оживлённо и, будучи подверженные человеческим слабостям, с удовольствием составили мне компанию. С неделю нам было весело, застолья переходили из за столов на природу и возвращались в городскую среду. Встреча плавно и неуклонно перетекла в Володину свадьбу, где я отметился как шафер, и где так устал, что начал забывать названия предметов и напитков, и мне приходилось тыкать в них пальцем, чтобы окружающие понимали, что я имею в виду. Но скоро мне всё надоело и я решил сменить тему. Я исчез по-английски и меня никто не искал. Свадьба перманентно продолжалась ещё неделю, а мне, когда я протрезвел, предложили взять выпускной класс в художественной школе. Я согласился, несмотря на тот негативный опыт, полученный когда-то на педагогической практике в училище и надеялся, что мне хватит душевных сил и терпения работать в школе, где начались мои первые шаги в искусстве. Преподаватели художественной школы №1 города Грозного были людьми своеобразными, которые морочили неокрепшие головы рассказами о великих художниках, сопровождая всё это показом картинок из толстенных книг по истории искусств. Некоторые из них были с претензиями на оригинальность, другие оригинальные в своих претензиях на исключительность, а третьи, просто втихую пили на

рабочем месте и ни на что не претендовали. Над всей этой кунсткамерой стояла семейная монаршая чета – мой первый учитель, директор Земсков и его жена Тамара, с которой они всегда ходили вместе и, которая исполняла обязанности бухгалтера и кассира за одну зарплату. После введения в должность и знакомства с учениками, которые были ростом с меня и ненамного моложе, я начал преподавать, но моя молодость неожиданно преподнесла мне проблему – две девицы, неизвестно для чего ходившие на занятия, и, наверно, перепутавшие меня с одноклассниками, страдающими от избытка гормонов, откровенно делали мне глазки. Девицам недавно исполнилось по шестнадцать лет и, судя по томным взглядам, им очень хотелось замуж, но я считал, что им ещё рано строить отношения, и поэтому никак не отвечал на попытки флиртовать со мной. Но, как говорится, против природы не попрёшь – через полтора месяца, тёмненькая пропала из виду, а ещё через три мне сообщили, что она добилась своего... Как ни странно, оставшаяся девица, взялась за ум и, к окончанию школы, проявила недюжинные таланты. Моё преподавание оказалось успешным и после окончания школьного курса обучения, благодарные ученики стащили с меня мой галстук и, разорвав его на одиннадцать частей, превратили несчастный аксессуар в фетиш. Вечерами я рисовал античные гипсовые торсы, руки, ноги и другие части тела разобранного на составляющие царя Давида и к лету был готов к поступлению в «Муху», которое, на самом де-

ле, называлось: ленинградским высшим художественно-промышленным училищем имени Веры Мухиной, где я надеялся продолжить своё обучение скульптуре. Следуя приглашению на экзамен, присланному мне в ответ на мой запрос, я отправился в Ленинград в начале июня, но когда я прибыл в училище, экзамены уже вовсю шли и на мой вопрос «как же так?», мне ответила секретарь комиссии, голосом пригодным для чтения приговоров в суде, что вина на мне. Спорить было бесполезно. Один из преподавателей намекнул, что дело здесь не чистое и, посмотрев мои рисунки, посоветовал обязательно приезжать на следующий год. Я побродил по Ленинграду, и понимая, что до поезда оставалась масса времени, решили навестить своего приятеля Валеру Ложкина, с которым познакомился на свадьбе Марченко, когда там гуляла вся сборная по гимнастике, удивляя, неспортивную часть гостей, невероятной стойкостью и равновесием. Ложкин сделал тогда двойное сальто со стола, а Оля Корбут прошла по спинкам стульев и, сделав соскок, упала на шпагат. В общем было весело... Валера открыл дверь не сразу. Я уже собрался уходить, когда он появился в проёме дверей в коротком халате с мокрой головой, он что-то жевал – я сразу не понял, что это жвачка. Маленький гимнаст Ложкин только что вернулся из-за бугра, куда он в составе сборной ездил на показательные выступления. Что он там показывал мне было не интересно, главное что он вернулся обратно в страну, а не остался за бугром, как через пятнадцать лет это

сделает олимпийский чемпион Монреалья Володя Марченко. Он, к тому времени отсидевший за наркотики, лишённый всех наград и званий, отправился в ФРГ, куда купил тур на три дня, чтобы остаться навсегда. Он так и сделал, но угодили в лагерь для перемещённых лиц и несколько раз бежал из него. Его возвращали обратно, но он опять бежал, пока не попал в Марсель, из которого, тайком пробравшись на корабль, отбыл в Монреаль, туда, где его ещё помнили как героя олимпиады. Ему очень повезло: во-первых – в трубе, где он коротал время всю дорогу до Канады, его никто не обнаружил, потому-что случись иначе, капитану легче было выбросить его за борт, чем лишиться лицензии за провоз безбилетника; во-вторых, всю дорогу до Монреаля шли на двух машинах и в трубе, где прятался беглец, было не жарко, в третьих; когда Володю обнаружили, на судне была полиция... Потом его судили и по приговору суда в течении трёх лет он должен был либо подтвердить вид на жительство, либо покинуть страну. Что интересно – многие сбежавшие в Канаду так и жили с этим многие годы, от одного приговора суда до другого. Несколько лет Володя жил в таком же режиме, воровал тележками в супермаркетах, за что в родной стране его бы покалечили. Но там его забирали в полицию, и потом отпускали. Он много пил, и однажды с таким же бедолагой, по ошибке, выпил тормозной жидкости, приняв её за денатурат. Собутыльник не перенёс эксперимента над организмом, а Володю вылечили, но душевную травму и по-

ехавший скворечник поправить не удалось и, поэтому, после больницы, он начал искать бога. Простое, на первый взгляд, желание обрести поддержку на небе, неожиданно упиралось в непреодолимые разногласия – мусульманство и иудаизм он отрезал сразу, чтобы потом, видимо, не резать у себя, буддизм не понравился монотонными причитаниями и изматывающими, многочисленными воздержаниями, христианство не устроило узаконенным пьянством и чревоугодием служителей культа. После долгих мытарств и метаний между религиями и сектами, его охмурили братья Иеговы, обещая ему, что все содохнут и пропадут, а он, как ценный свидетель возродится и будет со Спасителем отсеивать зёрна от плевел. Говорили, что это случится уже завтра, чуть ли не с утра, поэтому надо спешить рассказать об этом всем тем, кто ещё не спасся и, раскрыв братские объятия, привести их в лоно Иеговы. Так Владимир Марченко, потерянный для мира, обрёл своё место в самой закрытой секте...

Валера Ложкин образца семьдесят седьмого года, стоял передо мной мокрый, после ванны, в городе овечьем революцией и носящим имя вождя мирового пролетариата. В руке его была, невиданная мною доселе бутылочка «Кока-колы», а в, вытаращенных от удивления, глазах немой вопрос. Мы обнялись, и после обмена дежурной, но полезной информацией, направились в ресторан по названию «Нева», где у Ложкина был знакомый халдей. Через пол часа мы уже пили шампанское вчетвером – халдей посадил к нам двух очаро-

вательных девиц, тщательно отобранных в очереди у входа. Он представил нас, как членов гимнастической сборной и веселье началось. Утром, распрощавшись с девицами, мы с Валерой, решив похмелиться, вновь оказались у ресторана. Халдей с радостью организовал нам столик, кухня ещё была закрыта, мы ограничились холодными закусками и шампанским,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.